

Цзи Хэн с трудом подавил охватившее его волнение. Увидев, как Тянь Ци бросилась прочь, словно от разъяренного зверя, он ощутил странную тоску.

Почему она до сих пор так его боится?

Он коснулся груди, вспоминая недавний порыв, и почувствовал, как к лицу приливает жар. Еще немного, еще чуть-чуть — и он бы поцеловал Тянь Ци.

Что за нелепость? Откуда взялись такие мысли? Должно быть, всё дело в странных снах, отчего днем он ходит как в тумане.

Честно говоря, объяснение выглядело притянутым за уши, но Цзи Хэн инстинктивно не хотел копаться в себе. Он поспешно отогнал прочь непрошенные мысли и принялся искать другие дела, чтобы отвлечься.

Он подозвал Шэн Аньхуа и приказал привести Цуйчжу, служанку Вань-пинь.

В Павильоне Банановых листьев Вань-пинь уже отослала всех прочь и тайно совещалась с Цуйчжу. Она была встревожена и чувствовала, что дело идет к беде. Цуйчжу принялась успокаивать госпожу:

— Ваше Величество, прошу, не волнуйтесь. Рабыня позаботилась о том, чтобы не осталось никаких следов. Все вещественные доказательства уничтожены. Даже если Император захочет выгородить Тянь Ци, у него не будет улики.

Дворцовые интриги многогранны, и во многих случаях правду просто невозможно найти. В конечном счете, слуг всегда делают козлами отпущения — именно на это и рассчитывали Вань-пинь с Цуйчжу. В конце концов, это сделали они, и кроме них двоих об этом никто не знает. Что тут можно расследовать?

Больше всего их подкупала уверенность в том, что Тянь Ци — всего лишь мелкий евнух. Даже если хозяева приложат усилия, чтобы докопаться до истины и очистить его имя, кто станет тратить столько сил ради какого-то евнуха? Если виновного не найдут, дело закроют. Даже если все будут видеть, что Тянь Ци невиновен, его участь была предрешена.

Однако Вань-пинь никак не ожидала, что Император лично вмешается в это дело. Разве подобные вопросы не должны решать наложницы?

Много времени спустя, когда Шэн Аньхуа сложил воедино все детали, он пришел к выводу, что главной ошибкой Вань-пинь была недооценка того места, которое Тянь Ци занимал в сердце государя. На самом деле, все они недооценили этот факт, ведь никто и подумать не мог, что Император станет так печься о простом евнухе.

Впрочем, сама Тянь Ци считала, что промах Вань-пинь заключался в другом: она не удосужилась посоветоваться с врачом.

Возвращаясь к настоящему: при мысли о том, что Император лично ведет допрос, Вань-пинь охватил ужас. Она спросила Цуйчжу:

— Как думаешь, он мог что-то обнаружить?

— Госпожа, будьте спокойны. Пока мы не признаемся, что бы он ни нашел, это не поможет. То, что он лично взялся за дело, означает лишь то, что на кону наследник престола, поэтому он осторожен. Не думайте о лишнем. Если мы будем молчать, ничего не случится. И даже если отступить на шаг назад, вы носите под сердцем наследника — какой бы проступок вы ни совершили, никто не посмеет вас тронуть.

В этот момент в дверь постучали: прислали весть, что Император вызывает Цуйчжу во дворец Цяньцин для допроса. Лицо Вань-пинь изменилось, она схватила служанку за руку, не желая отпускать.

Цуйчжу снова утешила госпожу и еще раз наказала:

— Хоть убейте, ничего не говорите.

Затем она ушла с Шэн Аньхуаем. Во дворце Цяньцин она в полной мере придерживалась своего принципа: как бы её ни пытали, она лишь сжимала зубы и кричала о своей невиновности.

Цзи Хэна не было в зале, пытками руководил Шэн Аньхуай. Он думал про себя, что Император на этот раз по-настоящему в ярости, раз приказал проводить допрос прямо здесь. Хотя он не знал, что именно государь хочет услышать от этой служанки, он был уверен: это точно не слова о невиновности.

Прошло два дня. Даже Шэн Аньхуай проникся некоторым уважением к Цуйчжу — у этой девицы оказался характер. Она несколько раз теряла сознание, и даже когда бредила, продолжала твердить о своей невиновности.

Шэн Аньхуай доложил Императору, что ничего не добился.

Цзи Хэн велел держать Цуйчжу под стражей, но пытки прекратить, а сам направился в Павильон Банановых листьев. Тянь Ци, которой не терпелось узнать, чем всё закончится, тайком увязалась следом. Цзи Хэн заметил её, но ничего не сказал.

Вань-пинь, измученная долгим отсутствием Цуйчжу, была сама не своя. Увидев Императора, она не почувствовала радости — лишь нечистую совесть.

Глупая и упрямая, дерзкая и в то же время слабая — Цзи Хэн не мог представить себе более трагичного сочетания черт характера. При мысли о том, что такая женщина носит его ребенка, он внезапно ощутил отвращение.

В допросах важна техника. Императоры обычно хитры, и в искусстве вытягивания правды они мастера от природы. Придя в Павильон Банановых листьев, Цзи Хэн с мрачным лицом обрушился на Вань-пинь:

— Ты сама принимала сафлор! Неужели потому, что ребенок в твоём чреве не от меня, ты пытаешься избавиться от этого выродка?!

Одним махом переведя тему на вопрос, является ли ребенок его собственным, Цзи Хэн вверг Вань-пинь в панику. Она не смела взять на себя такое обвинение — если оно прилипнет, её род будет уничтожен. В смятении она решила, что Цуйчжу уже во всем призналась, поэтому Император так и думает. Вань-пинь упала к ногам Цзи Хэна, рыдая и пытаясь оправдаться.

Хотя вражда с евнухом — дело не лучшее, это было в сто раз безопаснее, чем обвинение в прелюбодеянии.

Услышав, что Вань-пинь снова открещается от содеянного, Тянь Ци сохранила невозмутимый вид, хотя внутри лишь тихо выругалась.

— Император, рабыня поступила так лишь из страха, что он меня подставит! Я пошла на это ради ребенка! — Вань-пинь плакала, взывая к жалости, и пыталась обнять его за ногу.

Цзи Хэн отступил на два шага, уклоняясь, и с отвращением посмотрел на неё:

— Ты готова причинить вред собственному ребенку только ради того, чтобы свести счеты с человеком? Как ты смеешь называться матерью?

Тянь Ци подумала, что Император, вероятно, собирается отобрать ребенка у Вань-пинь сразу после родов и отдать на воспитание другой наложнице.

Отлично сработано!

В итоге Цзи Хэн не стал наказывать Вань-пинь открыто — всё-таки она была беременна. Конечно, другим повезло меньше. Первой пострадала Цуйчжу: хотя она так и не призналась, её хозяйка сама подставила её под удар. Цзи Хэн приказал казнить её за покушение на жизнь наследника. Кроме того, весь штат слуг в Павильоне Банановых листьев был полностью заменен.

На этом инцидент был исчерпан. Умные люди сразу уловили суть. Те, кто был поглупее, хоть и не поняли причин, увидели результат: Тянь Ци осталась совершенно невредимой. Император даже щедро наградил её за заслуги в расследовании.

Это наглядно демонстрировало методы работы этого евнуха Тянь.

На самом деле, Цзи Хэн наградил Тянь Ци не только за заслуги, но и из-за капли... вины. Его женщина чуть не погубила Тянь Ци, а он не мог восстановить справедливость. Раз уж ту дуру тронуть нельзя, оставалось лишь загладить вину перед жертвой.

Тянь Ци не могла представить себе, что у Императора есть чувство вины. Сейчас она внешне была совершенно спокойна, но в душе уже обдумывала план мести Вань-пинь. Хотя найти способ было непросто — так, чтобы не оставить следов и не навредить наследнику, — но, обладая умом и сообразительностью господина Тянь, она обязательно что-нибудь придумает.

О том, какую ловушку Тянь Ци уготовила для Вань-пинь, мы пока умолчим. Важнее другое: настроение Тянь Ци ничуть не пострадало от инцидента, напротив, она была в отличном расположении духа — она снова могла наряжать Жуи в платья.

После того случая, когда Тянь Ци упала в воду, Жуи несколько дней дулся на отца. Он свято верил, что Тянь Ци выжила не потому, что отец проявил милосердие, а благодаря тому, что Дай Саньшань проявил благородство и спас её... (эти слова его научила произносить Тянь Ци).

Цзи Хэну ничего не оставалось, как приказать Тянь Ци наговорить о нем всяких приятных вещей перед Жуи, чтобы примирить отца и сына.

Главным бенефициаром стала Тянь Ци: без всякого праздника она наряжала Жуи в платья, а

Император не проронил ни слова.

Сама Тянь Ци не осознавала, что её страсть наряжать Жуи девочкой проистекает из её собственной тяги к женским нарядам. Люди часто стремятся к тому, чего им не хватает. Тянь Ци когда-то была милой девушкой, но долгие годы носила евнушескую одежду — тусклую, без красивых узоров и украшений, не говоря уже о прическах. Годы шли, и её тоска по платьям росла. Поскольку сама она не могла себе этого позволить, ей оставалось лишь мучить маленького Жуи.

Жуи не слишком сопротивлялся, хотя и не понимал, зачем ему постоянно надевают юбки. Но... он правда не хотел их носить.

Тянь Ци пришлось расписать все прелести юбок: в них прохладно, красиво, удобно писать, и Дай Саньшань это нравится... Она несла всякую околесицу.

Вскоре она пожалела о своих словах. Жуи послушно надел платье, но спросил её:

— Тянь Ци, а почему ты не носишь платья?

— Я... я? — Тянь Ци рассмеялась и почесала затылок. — Рабы не смеют их носить.

— Почему? Юбки такие красивые, — сказал Жуи, поправляя подол.

Сегодня он был в платье цвета утиного пуха — нежно-желтый оттенок, как у маленького утенка. Подол был украшен цветами из дворцового шелка, а воротник, пояс и манжеты были абрикосового цвета с вышивкой.

Цзи Хэн тоже был здесь. Он склонился над докладами, но прислушивался к их бессмысленному разговору. Услышав вопрос Жуи, он невольно поднял глаза на Тянь Ци.

Тянь Ци пришлось наклониться к уху Жуи и прошептать:

— Если я надену платье, Император отрубит мне голову.

Жуи понимающе кивнул: отец действительно часто вел себя неразумно.

Тянь Ци думала, что говорит достаточно тихо, но у Цзи Хэна был отличный слух. Он расслышал каждое слово, кашлянул, отложил бумаги и сказал:

— Разве я такой деспот? Отрублю голову за то, что ты надела платье?

— Император, у вас прекрасный слух, — искренне восхитилась Тянь Ци, тут же меняя тему.

Цзи Хэн обратился к Жуи:

— Не слушай его ерунду, я не стану наказывать.

Жуи очень обрадовался за Тянь Ци:

— Тянь Ци, ты тоже можешь носить платья!

— ... — Тянь Ци взяла Жуи за руку. — Ваше Высочество, может, пойдем поищем Дай Саньшаня? Не будем мешать Императору заниматься государственными делами.

Жуи всегда соглашался с предложениями Тянь Ци, поэтому радостно попрощался с отцом и пошел прочь, держа её за руку, но продолжая спрашивать: — Почему ты все-таки не наденешь платье? Они же такие красивые.

Цзи Хэн внезапно окликнул их:

— Раз уж Жуи так хочет видеть тебя в платье, надень его для него.

Тянь Ци не понимала: если это желание Жуи, почему Император так воодушевлен? Он не только потребовал, чтобы она немедленно переделалась, но и приказал найти точно такое же платье, как у Жуи.

Поскольку платье Жуи не было сшито на заказ, его быстро нашли в дворцовых кладовых. Чинovníк, отвечавший за это, оказался человеком догадливым: зная, что Тянь Ци хочет принарядиться, чтобы угодить государю, он прислал заодно женские украшения и пудру.

Император был в прекрасном расположении духа.

Тянь Ци была в отчаянии. Сначала она испугалась, что её тайна раскрыта, но, глядя на Императора, поняла, что это не так: он не злился, не сомневался, а выглядел довольным, глаза его блестели, а уголки губ едва заметно дрожали.

Что ж, должно быть, у него снова приступ безумия.

Тянь Ци ушла к себе. Глядя на одежду и украшения, она почувствовала волнение — сколько лет прошло с тех пор, как она носила женское платье?

Платье она надела, но грудь пришлось туго перетянуть. От пудры она отказалась — Жуи она, кажется, не нравилась. Волосы... она не умела делать сложные прически, поэтому просто собрала их в небрежный узел, закрепив заколкой в тон волос и украсив маленьким бледно-розовым цветком шиповника. Из шкатулки она достала серебряные бубенчики и надела на запястье. Ей нравился их звон — он поднимал настроение.

На пояс она прицепила саше цвета «лиц наложницы Сян» — оно гармонировало с желтым платьем. В шкатулке она нашла серьги с рубинами в форме капель, но, повертев их в руках, положила обратно. У неё не было проколов в ушах. Некоторые женщины, даже знатные, не прокалывали уши — кто-то боялся боли, кто-то считал, что нельзя портить тело, данное родителями. Тянь Ци не прокалывала их, потому что мать хотела, чтобы она в следующей жизни стала мужчиной.

Впрочем, хорошо, что проколов не было — это не вызывало лишних подозрений.

Одевшись, Тянь Ци покрутилась перед зеркалом. Зеркало было маленьким, но она была так счастлива, что снова надела платье, что не могла удержаться от радости. Убедившись, что всё в порядке, она вышла.

Как только она надела платье, к ней вернулось ощущение девушки. Шаги стали легкими, короткими, она больше не путалась в подоле. Пройдя с десятков шагов, она спохватилась: это слишком по-женски!

Она нарочно удлинила шаг и, придерживая юбку, пошла в кабинет. Но слуги сказали, что

Император с сыном ушли гулять и велели ей искать их снаружи.

Цзи Хэн гулял с сыном. Был вечер, солнце клонилось к закату, но еще не наступили сумерки. Они стояли на террасе перед дворцом Цяньцин. Жуи семенил маленькими ножками, а Цзи Хэн терпеливо следовал за ним. Они не уходили далеко, ожидая Тянь Ци.

Заходящее солнце окрасило небо в немыслимые цвета, облака превратились в парчовые горы, весь мир купался в золотистом свете. Огромная площадка из синего камня казалась застеленной прозрачной золотой тканью.

Между огромными алыми колоннами медленно вышла женщина.

В желтом платье, с изящными плечами и тонкой талией, она шла легкой походкой, придерживая подол. Ветер развеивал её ленты, а бубенчики на запястье издавали мелодичный звон.

Даже в самом простом наряде, под ослепительным светом заката, она выглядела невероятно.

Подойдя ближе, она одарила их сияющей улыбкой. Её глаза, казалось, вобрали в себя осколки звезд.

На мгновение свет небес померк.

Цзи Хэн почувствовал, как бешено заколотилось сердце. Он открыл рот, но не смог произнести ни звука. В горле стоял ком — смесь восторга, смутения и тоски.

Жуи, не обремененный сложными чувствами, бросился к ней. Тянь Ци подхватила его на руки. Жуи был тяжеловат, и Тянь Ци не могла долго его держать, поэтому для него такие объятия были редкостью.

Жуи прижался щекой к её лицу, они смеялись и болтали, пока подходили к Цзи Хэну.

Цзи Хэн, обладавший великолепным слухом, в этот раз ничего не слышал. Двое — большая и маленькая — выглядели как красивая мать с дочерью. Картина была настолько теплой, что сердце Цзи Хэна готово было растаять.

Тянь Ци опустила Жуи и поклонилась:

— Император.

Цзи Хэн пришел в себя. Он не ответил Тянь Ци, лишь взял Жуи за руку. Отец и сын медленно пошли вперед, Император сохранял спокойствие, будто ничего не видел и ничего не произошло.

Тянь Ци шла позади. Жуи остановился и потянул её за руку. Увидев, что Император не возражает, она поравнялась с ними и взяла Жуи за другую руку.

Они пошли втроем, как настоящая семья.

— Тянь Ци, красиво, — сказал Жуи. Дети чувствуют всё прямо.

— Ваше Высочество, вы слишком добры. Рад, что вам нравится, — Тянь Ци нарочно дернула юбку, боясь, что Император заметит что-то неладное, и добавила: — Но в таком виде я

чувствую себя как девчонка, непривычно.

Цзи Хэн вставил:

— Ты и так похож на девчонку.

Тянь Ци смущенно ответила:

— Раб — не женщина.

Эта фраза задела Цзи Хэна за живое. Он смотрел на её профиль и думал: как было бы хорошо, если бы она была женщиной.

Как было бы хорошо, если бы Тянь Ци была женщиной.

Эта мысль, возникнув, уже не отпускала его. Он то и дело поглядывал на Тянь Ци, и каждое новое сравнение всё больше сводило его с ума.

На следующий день Цзи Хэн пришел на утренний доклад с темными кругами под глазами. Увидев Тянь Ци во дворце Янсинь, он не хотел с ней встречаться и приказал Шэн Аньхуаю дать ей другое поручение.

Шэн Аньхуай всегда понимал намеки, но в этот раз ошибся. Тянь Ци пользовалась всё большим доверием Императора, и Шэн Аньхуай решил, что государь хочет поручить ей что-то более ответственное — например, ночное дежурство.

Хотя ночное дежурство — дело не такое видное, как дневное, но только самые доверенные люди могли находиться рядом со спальней Императора, где он был наиболее уязвим.

Шэн Аньхуай решил оказать Тянь Ци услугу, поставив её дежурить у дверей императорской спальни.

Цзи Хэн узнал об этом лишь перед сном. Но менять что-то было уже поздно — он не хотел привлекать внимание.

Тянь Ци была не привычна к ночным дежурствам. Она сидела у дверей, зевая и размышляя, почему Император внезапно её перевел. Хотя здесь было меньше возможности пожить, это явно указывало на огромное доверие.

Вокруг стояла тишина, Тянь Ци клонило в сон. Она не смела уснуть, пугая себя мыслями: «Уснешь — отрубят голову», «Уснешь — узнают, что ты женщина». Затылок холодело от страха, и сонливость отступала.

Ночь была глубокой. Цзи Хэн лежал в постели, прислушиваясь к звукам снаружи, и не мог заснуть.

Он испытывал странное возбуждение.

Тянь Ци была прямо там.

Эта мысль заставляла сердце биться сильнее. Он перевернулся на бок, закрыв глаза. Но стоило

их закрыть, как перед глазами вставала Тянь Ци. Изыщная фигура, прекрасное лицо, лучезарная улыбка...

...Стоп, нельзя так.

...Он прямо за дверью.

...Что это значит?

...Он прямо за дверью.

Мысли захлестнули его. Цзи Хэн больше не мог себя контролировать. Он тяжело дышал. Ему казалось, что Тянь Ци смотрит на него через занавес, что она входит внутрь, целует его...

— Тянь Ци... — вырвалось у него.

Тянь Ци тут же насторожилась:

— Император, вы звали?

Внутри молчали. Через некоторое время он снова позвал: «Тянь Ци». Тянь Ци постучала:

— Император, у вас есть приказания?

Цзи Хэн, не сдержавшись, выпалил:

— Тянь Ци, войди.

Тянь Ци толкнула дверь. Она увидела, как колышутся полога кровати, услышала тяжелое дыхание и участливо спросила:

— Император, вам нехорошо?

— Хорошо... — ответил он.

Тянь Ци показалось, что ответ странный. Она подавила сомнения и спросила:

— Что вам нужно?

Хочу тебя.

Цзи Хэн стиснул зубы, проглотил слова и сказал:

— Стой там, где стоишь, и молчи.

Тянь Ци подчинилась.

Их разделял лишь тонкий полог. Свет свечи отбрасывал размытый силуэт Тянь Ци на ткань. Часть этого силуэта словно ложилась на Цзи Хэна, и он чувствовал, как это видение сводит его с ума.

Цзи Хэн, прячась за занавесом, предавался своим тайным утехам, представляя, что Тянь Ци смотрит на него.

После того как напряжение спало, он ощутил лишь легкую горечь.

Наконец-то он не мог больше себя обманывать.

За двадцать три года жизни он никогда не думал, что испытает подобное влечение к евнуху.

Из-за детских травм он никогда не любил эту категорию людей. Конечно, он зависел от них в быту, доверял им свои секреты, но между ними всегда была тонкая, невидимая преграда.

Чем же Тянь Ци отличалась от остальных?

Вроде бы ничего особенного. По правде говоря, Тянь Ци не была тем типом слуг, которые больше всего нравились Цзи Хэну. В его представлении идеальный слуга должен был походить на Шэн Аньхуа: проникательный, с ясным умом, исполнительный, а главное — знающий свое место и никогда не переступающий черту.

А что же Тянь Ци? Она то и дело влипала в неприятности, провоцировала скандалы, заставляя окружающих скрежетать зубами от досады, но при этом всегда умудрялась выйти сухой из воды.

Этот слуга был пропитан хитростью до мозга костей. Подобные люди обычно вызывают лишь раздражение, но ее смекалка находилась на той тонкой грани между мелкой хитростью и большой мудростью. Она не вызвала отторжения, как пронырливость, но и не пугала глубиной, как истинная мудрость. Такая редкая, выверенная до мелочей сметливость — божий дар или проклятие, если речь идет о слуге?

Как и все умные люди, Цзи Хэн не любил слишком умных, а уж неугомонных — особенно. Тянь Ци сочетала в себе оба этих качества, однако Цзи Хэн никак не мог заставить себя ее возненавидеть.

Более того, он не только не ненавидел ее, но...

Цзи Хэн подпер подбородок рукой, погрузившись в раздумья. Откуда взялось это противоестественное, постыдное желание?

Неужели только из-за красивого личика Тянь Ци? Она действительно была хороша собой, особенно в женском наряде — ничуть не уступала любой из наложниц гарема. Но разве дело только в красоте?

Это объяснение не выдерживало критики. Цзи Хэн знал, что не был падок на внешность. Не то чтобы он не ценил женскую красоту, но никакое прелестное личико не могло заставить его потерять голову и отринуть все свои принципы и моральные устои. Однако сейчас, перед этим маленьким евнухом, все его принципы и границы превратились в посмешище, их легко было растоптать. Он, император, который всегда отличался хладнокровием и считал однополую любовь грязным пороком, вдруг увлекся мужчиной. Да еще и оскропленным мужчиной! Это походило на настоящий кошмар.

Сейчас он пребывал в этом бесконечном кошмаре, из которого не было выхода.

Хотя Цзи Хэн до сих пор не мог понять, как дошел до таких мыслей о евнухе, факт оставался фактом: он больше не мог игнорировать свои истинные желания.

Что же делать?

В душе Цзи Хэна внезапно всколыхнулась тревога.

Жизнь императора — это строго регламентированная работа. Цзи Хэн чувствовал, что его судьба подобна прямой дороге: она могла идти то вверх, то вниз, но никогда не сворачивала и не имела развилок. Цветы и деревья по обочинам были лишь пейзажем — ими можно любоваться, но нельзя останавливаться и уж тем более нельзя позволить ветвям увести себя с верного пути.

Но теперь случилась неожиданность, причем настолько внезапная, что он оказался застигнут врасплох.

Что делать? Да и что тут поделаешь?

Все дестабилизирующие факторы, все угрозы должны быть устранены как можно скорее.

Цзи Хэн опустил голову. Его взгляд упал на прямоугольную шкатулку из желтого грушевого дерева, стоявшую на столе. Полуприкрытые веки скрывали блеск его глаз, а на губах заиграла странная, горькая усмешка.

Он поднял голову и громко позвал Шэн Аньхуа, ожидавшего снаружи.

Тот почтительно вошел:

— Император, будут какие-то распоряжения?

— Приведи ко мне Тянь Ци.

Тянь Ци, которая после ночного дежурства крепко спала, была недовольна, когда ее разбудил Шэн Аньхуа, но послушаться императорской воли она не посмела. Кое-как приведя себя в порядок, она последовала за ним во дворец Янсинь.

Цзи Хэн ждал внутри. Как только Тянь Ци увидела его, она почувствовала, что атмосфера накалена. Император стоял посреди комнаты, погруженный в свои мысли, лицо его было бесстрастным, но Тянь Ци нутром чуяла: ничего хорошего ждать не стоит.

— Император, вы вызывали? Что прикажете? — осторожно поинтересовалась она, совершив поклон.

Цзи Хэн не ответил. Он подошел к Тянь Ци и внезапно протянул руку, коснувшись ее лица. Его длинные сухие пальцы с легкими мозолями на подушечках нежно скользили по ее гладкой коже, вычерчивая двусмысленные линии.

Тянь Ци замерла. Что это еще значит?

Она не смела пошевелиться или поднять взгляд, в голове царил хаос, а лицо предательски залилось краской.

Рука Цзи Хэна скользнула ниже, миновала подбородок и остановилась на изящной шее. Он начал тереть большим пальцем ее горло — то слегка, то с нажимом.

Именно в этом месте у мужчин обычно находится кадык. Тянь Ци мгновенно напряглась. Неужели он заподозрил, что она женщина? Нет, этого не может быть — евнухи, осклопленные в детстве, не имеют кадыка, они ничем не отличаются от женщин. Тянь Ци, долгое время вращавшаяся среди евнухов, была в этом уверена.

Она еще больше занервничала:

— Император...

Договорить она не успела: император внезапно вцепился ей в горло!

От неожиданности ее охватил ужас. Она инстинктивно схватилась за его запястье, пытаясь оттолкнуть руку, но та была словно железная — ни с места. Пальцы сдавили сосуды и дыхательные пути, Тянь Ци почувствовала, как перехватило дыхание, а сознание начало угасать. Она смотрела на Цзи Хэна, и в ее глазах читались замешательство, боль, мольба и... ненависть.

Цзи Хэн продолжал сжимать пальцы все сильнее.

Тянь Ци поняла, что сегодня ей не выжить. Она не хотела больше видеть его, поэтому просто закрыла глаза. Две слезинки скатились по ее щекам и упали на его руку.

Она подумала, что ей следовало уйти из дворца давным-давно. Жадность до добра не доводит — думала только о том, как заработать денег, а в итоге расплатится собственной жизнью.

Перед глазами начали всплывать лица и события. Она видела далекие, но отчетливые образы из прошлого — люди улыбались ей, звали за собой.

Тянь Ци, теряя сознание, уже была готова шагнуть им навстречу.

Но Цзи Хэн внезапно разжал пальцы.

Тянь Ци, чьи силы были на исходе, рухнула на пол, хватая ртом воздух и заходясь в судорожном кашле. Когда сознание прояснилось, она поняла, что выжила.

Она не знала, почему император в последний момент проявил милосердие, как, впрочем, не понимала и того, за что он хотел ее убить.

Похоже, болезнь императора зашла слишком далеко.

Цзи Хэн медленно присел на корточки. Он приподнял лицо Тянь Ци и бережно вытер пальцами ее слезы.

Тянь Ци вжалась в пол, ожидая подвоха — неужели этот безумец решит повторить?

— Чего реवेशь? Такая пугливая, — проговорил Цзи Хэн и слегка улыбнулся.

Эта улыбка не вызывала у Тянь Ци мыслей о доброте или мире — только ледяной ужас.

Больше ничего не сказав, Цзи Хэн отпустил Тянь Ци, которая до сих пор пребывала в оцепенении.

Она выбежала из дворца, едва переставляя ноги. Увидев яркое солнце, она почувствовала, что заново родилась на свет, и жизнь снова показалась ей прекрасной.

Однако там, внутри, император был в ярости.

<http://bllate.org/book/22267/2330919>